

— Предварительные результаты готовы, — судмедэксперт окликнул инспектора Мэгурэ. — Покойный — Ханю Маруити, шестьдесят один год. Тело обнаружено в комнате отдыха отеля «Сэйрю». На спине отчетливая рана, ставшая, по первичному заключению, причиной смерти. Орудие — односторонний клинок шириной и длиной примерно с палец. Подозреваю обычный столовый нож.

Эксперт на мгновение замялся, прежде чем продолжить:

— На самом деле мы обнаружили еще одну деталь, которая может помочь установить точное время смерти.

Он подвел Мэгурэ к телу и указал на запястье Ханю:

— Видимо, когда убитый падал, произошел сильный удар. Стекло на часах разбито, механизм заклинило.

Мэгурэ наклонился, осторожно приподняв руку старика в перчатке. Часы действительно стояли: лишь секундная стрелка бессильно дергалась туда-сюда с едва слышным щелчком, а минутная и часовая замерли точно на восьми двадцати.

— Неужели это и есть точный момент убийства?! — офицер Такаги опешил, но тут же спохватился и начал лихорадочно листать свой блокнот. — Так, смотрим записи... Около восьми вечера Ханю Маруити покинул банкетный зал, сославшись на недомогание из-за выпитого. В восемь пятнадцать ушел Кубота Тадаси, направление неизвестно. В восемь двадцать пять на стойку регистрации поступил звонок из этой комнаты отдыха — просили прислать горничную для уборки. В восемь тридцать прибывший персонал обнаружил дверь полуоткрытой, отсутствие телохранителей и труп господина Ханю.

— Если верить часам, окно сужается до промежутка между восемью вечера и восемью двадцатью, — подытожил инспектор Мэгурэ, выпрямляясь. — Сейчас наша главная задача — найти исчезнувшего Куботу. Наверняка он уже в бегах, терзаемый страхом возмездия...

Конан, до этого момента тихо притаившийся в дверном проеме, не выдержал. Он нацепил свою самую невинную маску «любопытного ребенка» и, звонко притоптывая, подбежал к телу:

— Ой, смотрите! А почему у дедушки Ханю всё запястье под часами в синяках? И эти блестящие стекляшки... как они оказались в волосах на затылке?

Линь Цзымо, стоявший у входа, не вынес этого зрелища. Видеть, как великий детектив так отчаянно и приторно «дает милоту», было выше его сил, и он просто отвел взгляд.

А Конан продолжал гнуть свою линию, напоминая воспитателя в детском саду, который пытается вдолбить очевидную истину бестолковым подопечным. Ему хотелось буквально разжевать эти улики и насильно впихнуть их в головы полицейских:

— А что, если дедушкины часы сломали специально? Вдруг преступник разбил их, чтобы создать себе алиби?

— Или чтобы подставить кого-то другого, — негромко добавил Линь Цзымо, прищурившись.

Такаги какое-то время размышлял, сверяясь с показаниями, а потом хлопнул себя по лбу:

— А вдруг это был случайный человек? Кто-то шел мимо, решил поживиться или просто в голову что взбрело — вот и убил Ханю Маруити...

Линь Цзымо и Конан синхронно замолчали. Они переглянулись.

Линь Цзымо: «Неужели полиция в этой стране настолько безнадежна?»

Конан: «Я несу на своих плечах груз, не подобающий моему возрасту. Я так устал...»

Линь Цзымо: «Сочувствую, парень».

Поняв, что маленькому «карапузу» не под силу в одиночку вытянуть это расследование, Линь Цзымо решил вмешаться:

— С чего бы Ханю Маруити отсылать своих телохранителей?

— Мы... мы как раз ищем этих ребят, — пробормотал Такаги.

— Вариантов всего два, — Линь Цзымо прошел вглубь комнаты и присел на корточки рядом с трупом. — Либо Ханю считал, что ему ничто не угрожает, и сам приказал им уйти. Либо...

Он указал пальцем на рану, не касаясь кожи:

— Он собирался встретиться с кем-то знакомым. Настолько знакомым, что не хотел лишних ушей. И это объясняет удар в спину.

— Он доверял этому человеку, — закончил за него Конан, поправляя очки. — Доверял настолько, что спокойно повернулся к нему спиной, не чувствуя ни малейшей опасности.

— И что же нам теперь делать? — растерялся офицер.

Линь Цзымо невозмутимо поднялся и отступил на пару шагов:

— Ну, это уже работа для профессионалов. Я-то что? Обычный прохожий, просто детективов перечитал, вот и лезу со своими дилетантскими выводами. Не серчайте, господа полицейские.

Конан едва заметно закатил глаза: «„Господа полицейские“? Тебе лет-то сколько, дядя?»

— Хотя есть у меня один совет, — Линь Цзымо слегка развел большой и указательный пальцы.
— Расследование всегда крутится вокруг метода и мотива. Метод нам ясен. Почему бы не копнуть глубже в мотивы?

Кто бы ни стоял за этим делом, Кубота Тадаси явно был не при делах — он всё это время находился под присмотром Ли Шуньшэна.

— Ну конечно! У Куботы мотив самый очевидный! — Такаги воодушевленно ударил кулаком в ладонь. — Гнет со стороны наставника, кража научных результатов... Ненависть копилась годами и вылилась в убийство! Мотив есть, метод подходит, а то, что он скрылся — лучшее доказательство вины!

Конан слушал это, хмурясь. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что реальность окажется куда сложнее. Ни крови, ни отпечатков, ни оброненных волос — преступник действовал слишком чисто, это была спланированная акция. Стал бы такой осторожный убийца подставляться под удар, пускаясь в бега сразу после преступления? Это же всё равно что прийти в полицию с повинной.

Пока они спорили, у двери послышался шум. Конан не успел обернуться, но заметил, как внезапно потеплел взгляд Линь Цзымо.

На пороге стоял Ли Шуньшэн. Его лицо было напряженным, а на передней части форменного жилета расплывалось свежее пятно от какого-то напитка.

— Господа полицейские, вам лучше спуститься вниз, — произнес он, тяжело дыша. — Там скандал. Одна из гостей утверждает, что видела момент убийства. Она говорит... говорит...

— Что она говорит?! — Такаги сорвался с места, едва не сбив официанта.

Ли замялся, словно ему было неприятно повторять чужую клевету:

— Говорит, что господина Ханю убила его собственная жена.

— Что?! — Мэгурэ, Такаги и Конан вскрикнули в унисон.

Лишь Линь Цзымо остался непоколебим. Он подошел вплотную к Ли Шуньшэну, принюхался к запаху алкоголя, исходившему от его одежды, и мягко спросил:

— Кто на этот раз тебя облил?

Ли встретился с ним взглядом, едва заметно моргнул, но промолчал.

Линь Цзымо на мгновение замер, словно считывая что-то в этой тишине. Его взгляд упал на руку Ли, спрятанную за спину, и он заметил разорванный край рукава. Его тон мгновенно похолодел:

— Госпожа Ханю?

— Они повздорили, я попытался вмешаться, и в суматохе... — Ли выдавил виноватую улыбку, явно стараясь замять инцидент.

Если бы Линь Цзымо не видел, что на коже под разорванной тканью нет ни единого следа, он бы и впрямь поверил, что его собеседника обидели. В эту секунду он напрочь забыл, что Ли — такой же мастер актерской игры, как и он сам. Все рациональные доводы вылетели из головы, осталось лишь чистое, почти инстинктивное беспокойство. Это не было желанием защитить слабого или чувством собственности — просто искренняя тревога за близкого человека.

Разум твердил, что Ли Шуньшэна невозможно обидеть, но когда перед тобой стоит тот, к кому ты привязан, и смотрит на тебя взглядом преданного, незаслуженно побитого пса... кто тут устоит?

Линь Цзымо глубоко вдохнул, подавляя гнев, и, игнорируя три пары любопытных глаз за спиной, осторожно вытолкнул Ли в коридор:

— Сначала приведем тебя в порядок. Спустимся позже... посмотрим, что там за легендарная госпожа Ханю.

<http://bllate.org/book/17415/1658799>